ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РОССИИ

А. П. Прянишников

Записъ того, что я помню...

... о передвижениях и военных действиях 9-го драгунского Казанского полка в русско-турецкую войну 1877-1878 г.г.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РОССИИ

А. П. ПРЯНИШНИКОВ

Запись того, что я помню о передвижениях и военных действиях 9-го драгунского Казанского полка в русско-турецкую войну 1877–1878 гг.

МОСКВА

2004

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)51
П 85

Пряншников А.П.

П85 Запись того, что я помню о передвижениях и военных действиях 9-го драгунского Казанского полка в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. /А.П. Прянишников; Гос. публ. ист. б-ка России. — М., 2004. — 69 с.

ISBN 5-85209-148-0

Автор воспоминаний – корнет Александр Петрович Прянишников, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. За участие в боевых действиях был награжден орденами и медалями.

В копии рукописи, любезно переданной в Историческую библиотеку И.И. Траскиным (Париж), рассказывается о событиях и военных действиях, в которых участвует автор, начиная с мобилизации армии в 1876 г. и заканчивая освобождением Болгарии.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)51

В иллюстрации книги использованы рисунки автора

Подписано в печать 29.06.04. Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Ризограф. Уч.-изд. л. 3,47. Тираж 500 экз. Заказ № 95. Цена договорная.

Издательство: Государственная публичная историческая библиотека России.
ГСП 101990, Москва, Старосадский пер., 9, стр. 1.
Типография ГПИБ.

ISBN 5-85209-148-0

Предисловие

Ровно пятьдесят лет тому назад, зимою 1877–1878 года, в Татар-Базарджике, где наш полк был расположен на оккупации тогдашней Восточной Румелии, командир полка полковник Тимирязев дал мне поручение написать историю участия Казанского полка в только что оконченной войне.

Я превосходно помнил день за днем все минувшие события, вместе с тем имел возможность проверить малейшие сомнения опросом участников-офицеров и справками приказов по полку и поэтому составил точный журнал-ежедневник всего, что касалось участия нашего полка в той войне. Я не решился назвать мой труд „Историей", а озаглавил проще: „Перечень передвижений и военных действий". Эта запись хранилась между бумагами полка и была использована впоследствии при составлении полной истории полка в 1901 году к 200-летнему юбилею его основания. Я это знаю вследствие моей переписки с офицером – автором той „истории", фамилию которого не помню.

В первые дни гибели нашего государства, когда взбунтовавшийся русский люд и солдатня с остервенением уничтожали делопроизводство и архивы всех учреждений, этот „перечень" и та „история" могли погибнуть; я в этом почти не сомневаюсь.

Вот меня и взяла охота, насколько моя стариковская память еще не выдохлась, вновь записать все, что я помню о том, как прошло через всю войну участие в ней нашего полка и в подготовительном к ней периоде, и в последовавшей оккупации Болгарии.

Если мои опасения окажутся справедливыми, и действительно потерян всякий след трудов и боев полка в войну 1877–1878 годов, и если 9-му драгунскому Ка-

занскому полку суждено воскреснуть вместе с Родиной, то эта запись может вновь пригодиться для его „истории“.

Но теперь, увы! эти воспоминания уже не могут следовать за событиями день за днем, как в прежнем „перечне“, много будет изложено только приблизительно; я не ошибусь лишь в главных действиях полка и не слишком отойду от хронологии событий. Да не будет мне поставлено в вину это „запамятование“. Вряд ли кто другой и может теперь передать будущему полку такую запись, с той поры прошло ведь более полувека, а я был одним из самых молодых участников похода, мне было 23 года. Остался ли в живых хоть один офицер, мой сотоварищ в боях? Думаю, что нет, в зарубежье их нет, наверно, я последний. Мне и выпал долг взяться за перо.

I

Ромны. – Мобилизация. – Переход полка в Ананьев. – Динамитная команда в Бессарабии. – Царский смотр в Бирзуле. – Поход в Румынию. – Лагерь в Слатине. – Поход к Дунаю. Ноябрь 1876 г. – июнь 1877 г.

Объявление мобилизации армии в 1876 году (кажется, 2 ноября) застало полк на месте его постоянного расположения в Ромнах Полтавской губернии.

В то время начальствующими офицерами были: командир полка полковник Корево (из конно-гренадер), командир 1-го дивизиона подполковник Белогрудов и 2-го – подполковник Добровольский; командиры эскадронов, майоры: 1-го – Петтеш Владимир Густавович, 2-го – Стасюк, 3-го – Белозор (или Бяллозор) и 4-го

– Теплов 1-й; командир нестроевой роты капитан Бабичев, полковой адъютант – капитан Меньшиков.

Полк выступил в половине ноября, и 1-й эскадрон пошел первым эшелоном. По тогдашней бедности в железных дорогах нас везли кружным путем через Бахмач, Курск, Харьков и Кременчуг; в Курске и в Харькове стояли долгие часы. Местом нового расположения полка был назначен уездный город Ананьев Херсонской губернии, в 15-ти верстах на юг от ст. Жеребково близ Бирзулы.

В Ананьеве поместился наш полк в полном составе вместе со штабом 9-й кавалерийской дивизии, другие же полки дивизии – Бугский уланский и Киевский гусарский и 16-я конная батарея – стали в селах близ Ананьева. О казаках не помню.

Так простоял полк до мая 1877 года, все время занятый подготовительными учениями к предстоящей кампании и представляясь на многочисленных смотрах то своему непосредственному начальству, то наезжавшим инспекторам.

Из Ананьева же был посылаем сводный эскадрон от 9-й кавалерийской дивизии (от нашего полка сводный взвод) в Кишинев и далее – в Бессарабию для изучения у саперных офицеров приемов пользования динамитом для уничтожения неприятельских сооружений. Этой выучкой предполагалось создать динамитные команды при каждом кавалерийском полке. Эскадрон прошел походным маршем раннею весною в Кишинев, перешел Днестр по льду в Дубоссарах, в деревне в верстах 30-ти к западу от Кишинева обучался делу и затем сдавал свой экзамен начальству Главной квартиры, взрывая рельсы и т.п. на запасных путях Кишиневской станции. На возвратном пути в Дубоссарах переход через реку по льду оказался уже невозможным, и отряду

пришлось направиться на юг в Бендеры, где на Днестре был постоянный мост. Встретив там Пасху 27 марта, сводный взвод вернулся в Ананьев уже по теплой и сухой погоде, употребив на всю командировку около месяца.

За эти излишние мелочные подробности в описании отдельных эпизодов, как только что рассказанный, прошу извинить меня; чувствую, что этот грех встретится и в дальнейшем и будет разоблачать мое личное в них участие. (Я был принят на службу после мобилизации, еще в Ромнах, накануне выступления, вольноопределяющимся 1-го разряда в 1-й эскадрон).

Ко времени объявления войны Турции государь Александр II был на юге с войсками. Не помню [12 апреля] дня объявления войны, но 10–14 апреля мы узнали о том непосредственно из уст государя.

Всю 9-ю кавалерийскую дивизию собрали в Бирзуле, куда наш полк пришел дня за три до царского смотра. Представлялась вся дивизия в полном составе. Пропустив перед собою эскадроны и батареи, император вызвал к себе всех офицеров, которые в карьер понеслись к нему, и поздравил полки с походом в Турцию.

В последние дни апреля или в первые дни мая, после торжественного молебствия на площади, провожаемые городскими властями и населением (и сколько между ними было плачущих молодых женщин из простонародья!), мы вновь поэскадронно в Жеребкове заняли поезда и направились в Румынию через Кишинев и Унгены.

Я думаю, что не ошибусь, сказав, что душевное настроение наше во дни того похода было радостно повышенное; все тому способствовало: и уверенность в скорой победе, и высокое жалованье заграничной кампании, и прелестные дни весны начала мая. Поезд часто

стоял подолгу на небольших станциях, и тогда мы наслаждались красотою дня, лежа среди ландышей в соседнем лесу. В Яссах суточная остановка позволила офицерам сделать верховую прогулку по городу и слушать музыку в парке, куда съезжалось все общество города. После Ясс, в Молдавии вследствие размыва пути прошедшими там ливнями эскадроны оставляли поезда и прошли несколько станций походным маршем. В городе Бáкеу вновь погрузились после гостеприимного ночлега у горожан, которые чествовали офицеров нашего 1-го эскадрона ужином и шампанским с прибавлением бесконечных комплиментов и пожеланий.

В Бухарест наши поезда не входили, мы видели город лишь издали и прошли далее до назначенной нам стоянки при городе Слатине (Slatina) на реке Ольте (Алюте).

Весь полк стал лагерем на степной равнине близ железнодорожной станции в непосредственной близости к городу. Стоянка длилась с половины мая до половины июня, сухие и жаркие дни благоприятствовали жизни в палатках. Учениями не утомляли и каждый день водили лошадей через город на купание в Ольте, чем пользовались и люди.

Вследствие дороговизны фуража была сделана попытка найти полку другую стоянку севернее, в степных предгорьях Трансильванских Альп, и для розыска места и дешевых кормов был командирован капитан Бабичев, говоривший по-молдавански. Для возможных объяснений по-французски он взял с собою меня. Результат нашей поездки оказался отрицательным, везде было дорого и фуража мало; но самая поездка, верхом, в течение четырех–пяти дней была очень интересна; при ночлегах у помещиков мой французский язык пригодился.

В половине июня, не помню в точности дня, мы выступили из Слатины и пошли походным маршем к югу вдоль Ольты. Уже приближаясь к назначенной нам стоянке на Дунае у гор. Турну-Магурели мы услышали первые орудийные выстрелы – то был начавшийся бой за переправу. Там полк простоял лишь сутки, и нас немедленно двинули по берегу Дуная к Зимнице, где полку около двух дней пришлось ожидать наведения понтонного моста для переправы.

За эту стоянку нашему офицерству (и мне под видом вестового при командире эскадрона) удалось проехать в Систово по еще неоконченному полотну моста и насмотреться на разрушенные здания и... разграбленные лавки (не болгарские ли?). Это были первые впечатления войны (*см. с. 46*).

II
Переход через Дунай. – Включение полка в Передовой отряд.– Поход к Тернову. – Взятие полком Тернова.
Июнь

Лишь только закончили прокладку моста, как наш полк 21 июня первым прошел по нему в Турцию, имея лошадей взаводу, рядами по два. Мы и не подозревали тогда, что Казанский полк вошел в состав Передового отряда с назначением перейти Балканы и составлял его авангард.

С этого дня, 21 июня, началась наша боевая жизнь. Очарование ее состояло в том, что мы слились с природой; вместе с тем мы забыли кровлю, палатку, постель, забыли, как раздеваются на ночь. Если условия позволяли, купались наскоро в речонке или случайной котловине горного потока, и тут же вымыв белье, влажным

его надевали. Ели что попадалось под руку: выкопанный саблею в поле картофель или вишни и абрикосы в садах опустевшей деревни. Но бывали и пиршества, когда солдаты умели „найти“ барана или кур; а при отсутствии этих прелестей весело грызли наши ржаные сухари, запивая их водою. Эти первые дни и болгарское население деревень встречало нас восторженно и с доверием; при нашем проходе женщины выходили со своими широкими ведрами, полными вина, черпали кружкой, и мы на ходу ее осушали.

Дойдя в моем изложении до этого незабвенного начала кампании, я вижу, что личные воспоминания так властно врываются в мое намерение писать только о действиях полка, что я – после полувекового перерыва – решаюсь не отметать их от „перечня передвижений и военных действий“. Вижу, что я не сумею отделить жизнь полка от своих личных переживаний, и если этот труд прочтет чужой человек, а не только близкие мне люди, то прошу его не быть слишком строгим ко мне.

Вступив в Турцию в полном составе с легким вьючным обозом, полк немедленно после переправы построился в походный боевой порядок и двинулся в глубь страны.

В первый день неприятеля нигде не встретили и расположились на ночлег около деревни, кажется, Овча Могила. Наш 1-й эскадрон шел в авангарде, и он же первый начал аванпостную службу. Его второй полуэскадрон составил главный караул, а 1-й и 2-й взводы (я находился унтер-офицером в 1-м взводе) заняли аванпостную цепь.

Помню эту первую ночь в Турции, эту смесь опасности (воображаемой), таинственности и поэзии, когда во мраке каждый куст казался всадником и каждый крик ночной птицы условным знаком неприятеля. Впо-

следствии, обтершись, с навыком мы несли аванпостную службу спокойно и деловито, без нервности, зато тех дней мы и не помним, первая же ночь жива в моей памяти до мельчайших подробностей. Как унтер-офицер, я был начальником поста из четырех человек, и милый ефрейтор Стрельник, видя мою неопытность, учил меня, как сменять караул, как проверять соседние посты, как „маячить“, как останавливать подходящего к нам врага, который неизменно оказывался кустом, как окликать: „Стой! Кто едет? Стрелять буду!“ – проверочному вдоль цепи разъезду, унтер-офицер которого по той же неопытности не отвечал на первый окрик. С каким облегчением мы приветствовали рассвет!

Впоследствии Стрельник, как запевала песенников нашего эскадрона, участвуя в празднестве, устроенном мною по случаю моего производства в офицеры в феврале 1878 года, вспоминал мне: „А помните, Ваше благородие, нашу первую ночь в Турции, когда я Вас учил службе?“

Не могу, впрочем, не сказать, что непрерывность напряженного внимания на аванпостах, особенно в темные ночи, и впоследствии бывала причиной, вероятно, галлюцинаций. Я помню такой случай: это было уже в сентябре под Плевной в глухую осеннюю ночь. Наш полуэскадрон оставался в главном карауле в ложбине, над которой непосредственно поднимались холмы; кто-то докладывает эскадронному командиру, что на бугре по временам показывается верховой, наблюдающий за нами; мы всматриваемся в темноту, и всем начинает казаться, что мы видим всадника. Командир говорит: „Я лично хочу убедиться, Прянишников, садитесь на лошадь, поедем!“ Мы делаем осторожный круг, чтобы подъехать к неприятелю с тыла, видим его между собою и караулом, подъезжаем, казалось, вплотную

с поднятыми револьверами, готовые ежесекундно стрелять, – и перед нами никого нет!

Но возвращаюсь к походу полка.

На второй день неприятельские разъезды начали показываться вдалеке, но быстро скрывались. При подходе к одной деревне наш эскадрон, возможно, что и дивизион, развернутым фронтом на рысях с командою „Сабли вон!“ вскочил на бугор, надеясь накрыть там замеченный конный отряд, но его уже не было. В спешенном строю наш эскадрон осмотрел всю деревню, видимо, только что покинутую жителями турками, и не нашел ни души; лишь мне посчастливилось найти в густой крапиве маленького четырехлетнего турчонка, потерянного его родителями. Бедный ребенок прятался, как дикий зверек, в крапиве его и оставили.

У солдат уже обнаружилась охота к грабежу, но офицеры на первый раз того не допустили; в скором времени, однако, этот обычай войны узаконил себя, как было на войне всегда и до нас, и после, и до сей поры.

Полк продолжал двигаться к югу по направлению к Тернову и 25 июня овладел им с боя. Мне не пришлось участвовать в этом деле. Не успели мы встать бивуаком около опустевшей деревни, 23 или 24 июня, как я с разъездом был послан командиром полка для связи к начальнику кавалерии Передового отряда, герцогу Евгению Максимилиановичу Лейхтембергскому, который с Киевским гусарским полком шел в глубь страны параллельно с нами, верстах в пятнадцати. Начальником штаба герцога Ник. Макс. был подполковник Фрезе. Исполнив поручение и никем не потревоженный в пути, я ночью вернулся в наш бивуак и уже не застал полка,который именно к ночи был двинут по неизвестному направлению. Пришлось догонять его с вьючным обозом. Я вернулся в полк, стоявший у Тернова, лишь 26-

го, на другой день после дела. Товарищи рассказали мне о нем. Спешенные эскадроны пошли на неприятеля, бегом спускаясь к Янтре, которую перешли вброд, и затем должны были подняться на гору, на которой был замечен лагерь неприятеля. Это движение полк совершил под убийственным ружейным огнем, особенно при переходе Янтры. С другой ее стороны, под защитою выпуклости бугра, эскадроны были уже вне огня, и когда поднялись на гору, то оказалось, что турки, не выдержав, ушли и бросили лагерь частью со своими пожитками. Удивительно, что в этом деле полк не потерял ни одного человека даже раненым. Наши простоватые драгуны, почти все хохлы, не нашли в брошенном лагере ничего особенного, но подоспевшие за нами казаки сумели отыскать запрятанное турецкое знамя, и этот трофей дал повод казачьему командиру написать реляцию о геройском захвате знамени после ожесточенного боя. Наше офицерство и досадовало, и смеялось.

Дни между 26 и 30 июня представляются мне теперь смутно: я был в самом Тернове, где увидел первый раз болгарские дружины, проходившие через город с пением „Шуми Марица, плаче вдовица"; и в какие-то рекогносцировки окрестностей ходили наши эскадроны, по крайней мере 1-й, и, кажется, в эти же дни полк был послан под Елену, откуда нас немедленно вернули обратно. Помню всеобщее утомление и раздражение от этого бессмысленного, как нам казалось, похода верст в 80. Возможно, что я переставляю события, и полк ходил под Елену в самом конце июля, немедленно после нашего возвращения из-за Балкан. Тогда это массовое недовольство вполне объяснимо после трудностей Передового отряда и полного истощения лошадей.

В моем личном положении за эти дни произошла существенная перемена. Князь Евгений Максимилианович составлял перед предстоящим походом свой штаб и от подчиненных ему кавалерийских полков взял ординарцами трех офицеров и трех вольноопределяющихся унтер-офицеров, в том числе меня от казанцев; я представился Евгению Максимилиановичу в Тернове и временно ушел из полка. Но так как полк был во все эти знаменательные дни в непосредственной близости к начальнику отряда, то я не разрывал связи с ним и почти ежедневно видел кого-либо из товарищей.

III

Переход через Хаинкиойский перевал. – Бой при деревне Уфлани. – Казанлык. – Деревня Шипка. – Переход в Эски-Загру. – Налет полка на железную дорогу. – Кровавая рекогносцировка. – Трехдневный бой при деревне Джуранли и под Эски-Загрой.

Июнь—июль

Неопределенность, о которой я упомянул, 30 июня кончилась, и начался наш незабываемый переход через Балканы по Хаинкиойскому перевалу, по горной вьючной тропе. Насколько помню, по неукрепленному турками перевалу была двинута первой небольшая казачья часть, которая и выгнала из деревни Хаинкиой на южной стороне хребта сторожививший выходы неприятельский отряд.

Немедленно вслед за казаками саперы то срубкою дерева, то сбивая угол камня, сделали тропу, проходимую по ширине для полевого орудия, и вслед за саперами пошел Казанский полк, спешенный, по одному, и с ним 16-я конная батарея.

Ее орудия подняли и спустили не лошади, а собственная команда и наши солдаты. Было делом огромных усилий, когда, казалось, по немыслимой круче наши взводы, сами хватаясь за камни и деревья, на веревках тащили в гору пушки или спускали затем с крутизны.

Так мы шли по Большому Балкану три дня. Каждый со своей лошадью в поводу останавливался на ночь там, где нас заставала темнота, и дремал, сидя или полулежа у ног лошади. Единственной пищей нашей были сухари у каждого из собственной кобуры. Не помню, как кормили лошадей, но чистой воды горного потока было вдосталь. 1 июля на вершине перевала мы нашли деревянный столб, поставленный саперами в память прохода, и, кто хотел, расписывался на столбе „на память", увы, на короткую.

2 июля под вечер мы вышли к деревне Хаинкиой, в долину Тунджи, в „Долину Роз", и 3-го повернули по ней на запад.

За этот день неприятель не показывался, но тем не менее авангард (не казанцы) не постеснялся сжечь по пути деревню. Когда князь Евгений Максимилианович проходил через нее, то мы лакомились, срывая на ходу превкусные печеные сливы с обгоревших деревьев. На бивуаке перед деревней Уфлани отряд должен был приготовиться к бою. С писанной диспозицией для ожидаемого наутро дела я был послан подполковником Фрезе ко всем командирам частей и, разнося ее для прочтения и подписи, сам читал с любопытством. Помнится, нашему полку было приказано начать наступление и стрельбу в конном строю.

Турки оказали довольно слабое сопротивление, но все-таки постреляли порядочно. Это было боевое крещение обоих герцогов Лейхтембергских, Евгения и Николая Максимилиановичей (последний командовал

бригадой из нашего полка и Астраханского драгунского, если не киевских гусар). С ними принял „крещение“ и я, особенно когда меня послали к полковнику Ореусу, командиру 16-й конной батареи, с приказом обстрелять упорствующего неприятеля. Зато, в награду за опасность, я был свидетелем красивой, удивительно эффектной картины, когда батарея под ружейным огнем неприятеля в карьер пошла на позицию, описала круг и взлетела на пригорок; в одно мгновение прислуга сняла орудие с передков и началась пальба!

Это дело получило название „сражения под Уфлани“ и происходило среди нескончаемых плантаций роз. Известная казанлыкская роза культивируется для получения розового масла.

Наш полк и на этот раз не понес потерь.

Следующий день, 5 июля, насколько помню, прошел уже без боя, турки скрылись и предоставили нашему отряду всю долину Тунджи с Казанлыком и деревней Шипкой у подножия перевала.

Все наши части прошли через опустевший, казалось, Казанлык и у Шипки нашли лагерь, брошенный турками. Отряд воспользовался их великолепными палатками, запасами пшеничных галет и всяким добром. Я лично предпочел огромную груду великолепных абрикосов, которыми мы набили себе все кобуры и торбы.

Казанский полк расположился бивуаком около Казанлыка в сторону Шипки и имел возможность отдохнуть в течение нескольких дней.

За это время мне пришлось видеть ужасную картину.

При наступлении на укрепления Шипкинского перевала с севера и от нас, с юга, был послан отряд с тою же целью. Случайно я был свидетелем, как рота кавказ-

ских пластунов стала подниматься на гору. 7 июля перевал был взят, турки ушли.

Как только Евгений Максимилианович узнал о том, то тотчас же со всем своим штабом поехал на перевал. Почти у его вершины, умышленно около самого шоссе, была сложена правильная кучка из отрезанных голов несчастных пластунов, и на самом верху лежала голова их начальника, есаула Баштанного. Голов было 30–35. Тела лежали невдалеке. Около нас был англичанин, корреспондент английской газеты. Увидев этот ужас, он поспешил скрыться, но Евгений Максимилианович приказал отыскать его и заставил любоваться делом друзей англичан.

8 или 9 июля Казанский полк перешел по шоссе на юг в город Эски-Загру (по-болгарски Стара-Загора); это шоссе пересекает хребет Малого Балкана по узкому ущелью, и у самого выхода из него на равнине расположена Эски-Загра. Как перевалили за Малые Балканы другие кавалерийские части отряда, я не могу припомнить, но Евгений Максимилианович со штабом прошел почти одновременно с казанцами, если не вместе с ними. При вступлении в город он был восторженно встречен населением, молодые женщины ожидали отряд с букетами и огромными венками из олеандров; их было так много, что я, например, продел два венка на шею лошади, а остальные висели на передней луке седла. Ни мы, ни эти счастливые люди не подозревали, какую трагическую участь мы им с собою принесли!

Полк стал бивуаком в садах, пройдя через город. Обоим герцогам Лейхтембергским было отведено приличное здание на площади города, а мы, унтер-офицеры, ординарцы, жили в доме напротив в приветливой болгарской семье. Для нас было установлено при штабе сменное по целому дню дежурство.

Подходившие дни от 9 до 19 июля были для Казанского полка самою тяжелою порою всей войны с наибольшим количеством потерь; разгром Передового отряда был очень тягостно им перенесен.

Полку внезапно было поручено смелое дело, далекий набег. Помню, что я на своем дежурстве был послан за проводником для полка поздним вечером; очевидно, полк выступил ночью. Он должен был пройти более 50 верст к узловой станции Терново-Семенли на железной дороге из Андрианополя в Филиппополь, в самой глубине неприятельского расположения, и взорвать мост. Полк исполнил это задание под огнем турок и через сутки возвратился в Эски-Загру, сделав почти все время рысью более ста верст. Это утомление лошадей сказалось на их дальнейшей работе без отдыха и кормов.

Тем временем стали приходить известия о приближении 30-тысячной армии Сулейман-паши. Спасшиеся от зверства турок болгары прибывали в Эски-Загру; мы видели раненых женщин с безжалостно порезанной грудью.

Полку было приказано сделать усиленную рекогносцировку в сторону Иени-Загры (Новой Загоры) и выяснить количество неприятеля и состав его армии с той стороны. Для этой цели подполковник Белогрудов выступил с двумя эскадронами.

Он поставил себе задачей непременно вызвать неприятеля на бой, возможно, даже желал кавалерийской атаки и, вероятно, зарвался слишком в глубину расположения турок. Дивизион был окружен массою конных черкесов, и когда стал уходить, черкесы настигали наших. Было зарублено саблями, если не ошибаюсь, 19 драгун, в том числе портупей-юнкер Боженко. Спасшихся раненых было немного. Боженко накануне этого

дела прибыл к полку из России с группою портупей-юнкеров из Елизаветградского кавалерийского училища и, узнав о назначенной рекогносцировке, напросился охотником. Его смерть произвела тягостное впечатление на офицеров; установился принцип: от порученного дела не отказываться, но самому ни на что не напрашиваться.

Приближение турок вынудило наш отряд выйти из города для встречи неприятеля, насколько помню, уже с вечера 16 июля. Бой длился беспрерывно три дня, затихая лишь с темнотою ночи. Казанский полк, как и вся кавалерия Передового отряда, вынужден был постоянно менять позиции и вести перестрелку и в пешем, и в конном строю и служить прикрытием нашей батареи. Три ночи не расседлывали лошадей; если кормили их, то случайно нарванной травой, сами же мы как будто и ничего не ели; ложились на землю вздремнуть, только вздремнуть, привязав повод лошади к руке. Точнее сказать – вовсе не спали. В этих боях было ранено несколько человек нижних чинов и убит пулею в лоб между глаз 2-го эскадрона поручик Альбовский. Много лошадей было искалечено и убито как за эти дни, так и в предыдущей кавалерийской атаке.

Этот длительный бой получил название „сражения при Джуранли“, хотя его непрерывная линия тянулась почти от Иени-Загры и до самой Эски-Загры. Об одном эпизоде моего участия в событиях я позволю себе распространиться, потому что для исполнения данного мне поручения я получил в охрану целый взвод нашего полка.

IV
Установление связи с генералом Гурко в Иени-Загре. – Переезд генерала Рауха со взводом Казанского полка в Эски-Загру под артиллерийским обстрелом. – Поражение под Эски-Загрой. Паника населения. – Отступление за Малый Балкан.
18–20 июля

К концу дня 18 июля князь Евгений Максимилианович со своим штабом отошел к Эски-Загре и оттуда отправил ординарца, поручика Ионина, с небольшим разъездом от Астраханского драгунского полка. Ионину были даны пакет и поручение, от нас остальных скрытое. По прошествии примерно часа с таким же разъездом и тоже с пакетом был послан ординарец, вольноопределяющийся Булацель (Астраханского полка), и затем, когда уже начало смеркаться, я тоже получаю пакет с таким устным приказанием: „Дело к ночи, поэтому возьмите в Казанском полку целый взвод, также нашего проводника. Вот письмо генералу Гурко, который должен быть сейчас в Иени-Загре. Держитесь самого подножия гор (Малого Балкана), не переходя на равнину, занятую отрядами башибузуков. При встрече с неприятелем уходите в горы и как-нибудь горами доберитесь до Иени-Загры“.

Доехав до расположения Казанского полка, я получил взвод от 4-го эскадрона и вскоре узким проселком дошел до самого откоса гор. Еще не совсем стемнело, как слышим идущий на рысях нам навстречу небольшой отряд, готовимся к бою, к счастью, вовремя различаем наших; это возвращается Булацель. Он действительно видел разъезд башибузуков и от них уходит. Оказывается, что он тоже везет пакет к ген. Гурко. Ре-

шаем, ввиду нашей численности, продолжать путь к Иени-Загре вдоль откоса. В темноте вновь неожиданная встреча со всадниками, окриками узнаем друг друга: Ионин (тоже с пакетом к Гурко) уходит от неприятеля, которого считает многочисленным. Наш проводник болгарин указывает на тропу, поднимающуюся в заросшие лесом горы, и берется провести нас по полугорью над равниной, занятой турками. Общим советом решаем доверить себя болгарину и поднимаемся в лес. Звездное небо достаточно освещает тропу. Нам предстоит сделать до Иени-Загры около 30-ти верст. Растянувшись по одному, то круто спускаемся к ручью, то поднимаемся на кряжи; перед нами к югу обширная равнина, вся до самого горизонта освещена пылающими деревнями, и мы сами должны пройти через сплошь горящую лесную деревню. Проходим рысью, обдаваемые жаром; жители болгары спаслись, остались одни собаки и жалобно воют. На середине ночи проводник спускает нас в равнину, и мы должны выбраться на шоссе. Освещаемый взошедшею луною, наш отряд, с опасением быть открытым неприятелем, на рысях выходит на шоссе и по нему достигает Иени-Загры еще до рассвета. Но вместо войск и штаба генерала Гурко мы находим обоз его отряда, и никто не знает направления, по которому он вышел. Решаем дать истощенным лошадям отдых до рассвета.

Но ранним утром мы уже скакали обратно по знакомому шоссе на звук возобновившейся стрельбы и, наконец, в расстоянии верст пяти от Иени-Загры, на вершине кургана, далеко к югу, видим группу людей; конечно, это Гурко со штабом руководит боем. Все трое взбираемся на курган и последовательно передаем пакеты. Содержание их тождественно, мы посланы трое для большей верности на случай погибели кого-либо из

троих; Евгений Максимилианович, заболев, отказывается от командования и просит назначить заместителя.

Недолго отдыхал под курганом усталый взвод. Заместителем послан генерал Раух, и наш сборный отряд должен составить его конвой для немедленного следования в Эски-Загру.

Вновь выходим на шоссе, генерал Раух перед отрядом, идем вялой рысью наших бедных коней; направо, в сторону гор, генерал отряжает пять драгун дозорных, растянув их длинной чередой для наблюдения за разъездами башибузуков; слева на равнине различаем непрерывную линию турецкого войска, параллельную шоссе.

Нас заметили и открыли огонь. Первые гранаты и шрапнель перелетают, генерал командует: „Галопом!“ Бывший при генерале переводчик в ужасе на ходу соскакивает с лошади и прячется под мост, по которому в этот момент проходим; его лошадка налегке заскакивает вперед отряда и летит стрелою, наши кони ожили, они поняли опасность и скачут полным галопом, удержать нельзя. Ищу вправо глазами наших пять человек дозорных и не нахожу их. Неужели они убиты перелетевшими снарядами? Но прицел становится точнее и снаряды чаще, целая батарея бьет по нас, к ней присоединяется ружейный огонь. Шрапнель непрерывно следует одна за другою, по ее приближающемуся свисту чувствуешь, что она вот-вот, в это мгновение, влетит в нас – и все они разрываются действительно над нашими головами. Огонь непрерывен, мы скачем вдоль всего фронта армии Сулейман-паши; видимо, одна батарея передает нас следующей и, кажется, установила прицел так, что все шрапнели рвутся над нами.

И в этом было наше спасение!

Осколки и пули шрапнели при разрыве их по закону механики продолжали лететь со своим общим центром тяжести и как бы уходили от нас дальше. Будь разрыв снаряда установлен на одну-полсекунды раньше, от нашего отряда не осталось бы ничего. Свист пуль был беспрерывен, но они или перелетали, или ложились в откос приподнятого шоссе ниже его, как бы к ногам наших лошадей.

И так преследовали нашу отчаянную скачку – не знаю, верст 10–15. Когда, наконец, мы вышли из огня и осмотрелись, то оказалось, что все целы, ни люди, ни лошади не ранены, недосчитываемся одних пяти дозорных. Впоследствии выяснилось, что они, избегая перелетавших через нас снарядов, вернулись в отряд Гурко и затем в Тернове присоединились к полку.

Недавно, уже в беженстве, я имел случай узнать от генерала Рауха-сына, что его отец, мой тогдашний начальник, считал эту скачку под обстрелом самой большой опасностью, которой он когда-либо подвергался в боях.

Герцога Лейхтембергского Раух уже не нашел в Эски-Загре; мы, ординарцы, остались при генерале.

В это время в садах города шел ужасный, последний смертный бой болгарских дружин с наступавшими батальонами турок. С пункта, который занял генерал Раух на высоте, шагах в пятистах от места боя, было видно, как на ладони, смелое наступление дружин одной за другою, их залпы в упор турецким массам, но затем и разгром всего нашего отряда.

Весь воздух был наполнен летавшими пулями, их непрерывным свистом; население, охваченное паникой, побежало из города к дороге, входившей в горное дефиле; наши отряды тоже стали отступать в беспорядке, смешанные с жителями в узких улицах. Вся эта масса

людей, лошадей и болгарских каруц сбилась в громадную кучу, неспособная правильно втянуться в горное ущелье. Если бы не геройское спокойствие полковника Ореуса, который, отступая последним со своей 16-й конной батареей, в узких улицах города несколько раз снимался с передков и бил неприятеля в упор картечью, – то вся эта масса обезумевших людей была бы перебита турками до входа в горы.

Казанский полк невольно смешался с населением, как и наша маленькая группа с генералом Раухом. Все стояли беспомощные, ожидая возможности подойти к горному проходу, жажда мучила нестерпимо. У ног моей лошади мутная лужа, из которой она напилась; соскакиваю с седла, становлюсь на четвереньки, хочу уже прикоснуться губами к воде, как с общим залпом по народу пуля срывает воду под моими губами, и брызги обдают лицо. Крутом вопли, несколько раненых женщин, все понеслось к выходу – последнему спасению; я едва на ходу успеваю вскочить на лошадь. Но наконец Казанский полк и генерал Раух втягиваются в проход; сторона его, к ручью, завалена каруцами, которые обезумевшие люди сбрасывали с пути; мы смешаны с толпою, много женщин с детьми и узлами, они хватаются за наши стремена, чтобы легче было идти. Молодая мать дает мне на седло ребенка, а сама повисла на ремне у моей ноги; я слышу не дыхание ее, а дикое хрипенье надорванной от изнеможения груди.

Там, где дорога выходит из горного прохода на широкую долину Тунджú, – только там страх спасающихся уступает усталости, они расходятся по всему пространству, и наш полк получает возможность внести порядок в свое движение.

Отойдя несколько верст от гор, на равнине с окончанием дня мы становимся на ночлег, ген. Раух в сере-

дине полка. Лошади не в силах более двигаться, их, наконец, расседлали. Не могу припомнить, кто держал аванпостную цепь, да и была ли она при этом общем изнурении? Хочу накормить моего бедного коня, по имени Гроб, нахожу поле недоспелого ячменя и саблей накашиваю ему корма на ночь. Ничего не евши, засыпаю тревожным сном, в котором фырканье лошади принимаешь за взрыв шрапнели, и ночью просыпаюсь от тяжести на груди; это мой бедный Гроб растянулся около меня и положил мне на грудь свою голову; ему было тоже не до корма.

На заре нас разбудили мелодические звуки давно не слышанного генерал-марша, и постепенно душевное спокойствие заменило напряженность и тревогу прошедших дней. 20 июля мы прошли через Казанлык и вновь стали бивуаком между ним и Шипкой (*см. с. 47*).

V

Возвращение через Хаинкиой. – Отдых полка в Ново-Никупе. – Переход под Плевну. – Бои на Плевно-Софийском шоссе. – Служба на Ловечском шоссе.

Август–сентябрь

23–25 июля Передовой отряд был расформирован и Казанский полк получил приказ перейти через Балканы вновь по Хаинкиойскому перевалу. В Казанлык уже заходили неприятельские разъезды, возможно, что просто грабители; поэтому, чтобы пройти через него без потерь, 1-й эскадрон полка в пешем строю предварительно прошел через город и выгнал несколькими выстрелами мародеров.

Переход до Хаинкиойя был сделан в один день, неприятель нас не тревожил. Перевалили через горы так-

же в один день вместо прежних трех и следующим этапом подошли к Тернову, под которым и стали лагерем на берегу Янтры. Возможно, что ко времени этой стоянки относится наш двухдневный поход под Елену, о котором я упомянул в конце II главы. Здесь мы получили приказ перейти под деревню Ново-Никуп, верстах в 30–40 на север от Тернова, и расположиться там на продолжительное время для поправки лошадей. Они требовали отдыха, кормления и лечения, многие были с побитыми спинами. К этому времени и ряды наши значительно поредели.

В Ново-Никупе полк простоял с конца июля по 20 августа, и действительно люди и лошади за эти три недели оправились и отдохнули.

С 20 августа полк переходит в Плевенский район. Передвижения полка вокруг Плевны так многообразны, что я не уверен, изложу ли их в последовательном порядке.

Сначала мы поступили под начальство генерал-майора Ратиева, командира нашей первой бригады 9-й кавалерийской дивизии, и около 2–3 недель были в его отряде. В течение этого времени я состоял при нем ординарцем. В продолжение нескольких дней до 30 августа мы несли охрану в виде аванпостной цепи вокруг государя и были очевидцами нашей неудачи 30 августа.

Затем нас переводят на Софийское шоссе для аванпостной службы, и в некоторых артиллерийских боях с фронтом на Плевну мы служим прикрытием батарей; теряем несколько раненых солдат, и два офицера контужены. Как-то случайно попадаем под начальство генерала Лашкарева, он должен не допустить входа в Плевну большого транспорта с провиантом при сильной охране. В этом деле служим прикрытием артиллерии, стреляющей безрезультатно, и турки бьют по нас с

неизменным перелетом (никакой потери). В результате транспорт беспрепятственно входит в Плевну.

В начале сентября мы все еще в том же лагере и одно время остаемся без всякого подвоза пищи. Помню те несколько дней, когда и люди, и лошади питались одною найденной где-то кукурузой, да еще без соли. Для разнообразия мы ее ели или вареной, или печеной.

Оттуда мы переходим в район Плевно-Ловечского шоссе после боев Скобелева на „Зеленых Горах“ и держим аванпосты.

Припоминаются мне прогулки там офицеров, свободных от службы, за лакомством. Эти „горы“, вернее холмы, пересеченные неглубокими долинами, названы „зелеными“ потому, что местами покрыты виноградниками, спускающимися в долины. Виноград владельцам снять не пришлось, и он на ветках обратился в сладкий и сочный изюм. Такая именно долина отделяла нашу аванпостную цепь от такой же, но пешей цепи турок, которая была ясно видна. И мы, и они друг друга не тревожили и ограничивались одним наблюдением. Вот и завелся обычай с той и с другой стороны переходить за цепь без оружия за лакомством. Ешь сорванную гроздь, весь вымазался в сладком соку, но наблюдаешь за такими же лакомками турками; если они перестали наклоняться и наблюдать, то настораживаешься и сам; они начали вновь срывать, и мы спокойно продолжаем. В самый дол ни мы, ни они не решались спускаться, хотя составилась легенда, что там-то именно и вызрел самый вкусный изюм.

Вероятно, для какой-нибудь диверсии, не помню, весь ли полк или только 1-й дивизион под командой переведенного к нам из конно-гренадер подполковника Значко-Яворского, стоит несколько дней в Ловече, где находим вкусную пищу и хорошее вино, что вызвало

остроту: в Ловече порой бывает ловчее. Из Ловеча мы ходили по направлению к Сельви, но не дошли до него и в тот же день вернулись. Затем там же были в какой-то безрезультатной перестрелке и, наконец, нас вновь вернули к Плевне на Ловечское шоссе.

Стоянка там около двух недель в половине сентября – одно из самых тягостных воспоминаний. Шли непрерывные холодные дожди; построенные нами из ветвей и травы шалаши пропускали дождь и не держали тепла; при этом полное бездействие. Пошли болезни, настроение было прескверное. Очень много офицеров было отвезено в госпитали, убыль их была настолько велика, что недоставало взводных командиров. С этого времени я стал исполнять офицерские обязанности и стоял перед 2-м взводом.

Дальнейшая наша служба в аванпостах, несколько отдаленная от Плевны в направлении к югу, прошла в более благоприятных условиях. Дожди прекратились, мы обсушились и оправились. Не помню, как другие эскадроны, но наш 1-й выкопал себе землянку-баню, в которой можно было прекрасно париться, и одновременно, благодаря тесноте, вымазаться об мокрую земляную стену. Но эти неудобства доставляли больше веселости, чем досады.

Приблизительно в это время к нам пришел из России эскадрон с людьми из запаса, сорокалетними бородачами, которые хотя и пополнили наши ряды, но ничего хорошего нам не дали, скорее наоборот* (*см. с. 51*).

---

* Почти за все время войны наши взводы не имели более 10 рядов, а в более тяжелые периоды и восемь (вместо нормы – 16). Замечу кстати, что почти с самого начала кампании мы сняли мундштуки и растеряли наши шпоры, которые заменили нагайками, по-казачьи.

VI
Раздельная служба дивизионов полка. – Поход 1-го дивизиона под Тетевень, к Горнему Добнику и под Этрополь. – Служба и бой под Этрополем. – Возвращение дивизиона под Плевну.
Октябрь

С начала октября началась вновь наша походная жизнь. Оригинальная ее особенность состояла в том, что командир полка остался при обозе со штандартом, со своим штабом и полковым врачом в расположении последнего нашего лагеря, а оба дивизиона ушли по различным направлениям, 1-й дивизион под командой подполковника Значко-Яворского (кажется, не ошибаюсь), а 2-й со своим старым командиром подполковником Добровольским.

Подробнее я изложу действия 1-го дивизиона, в котором я служил, о 2-м же моя память не сохранила рассказов его офицеров. Помню лишь в общем, что он не отдалялся от района Плевенского обложения, имел постоянные столкновения с турками близ Софийского шоссе, потерял несколько нижних чинов ранеными, но в особенности понес большую потерю: был убит подполковник Добровольский, пуля пробила сердце. Под Плевну к ноябрю 2-й дивизион вернулся раньше нас.

Первый дивизион получил назначение идти опять к Большому Балкану, на пути был соединен с одною-двумя казачьими сотнями и вошел в подчинение казачьего полковника Орлова.

Наш поход был медленный, с дневками и очень приятный, в местности, уже очищенной от неприятеля. Мы прошли через Болгарский и Турский Изворы и через целый ряд брошенных селений, имена которых я не

помню, и затем полк. Орлов повел нас спешенно через высоты вновь к Софийскому шоссе, куда должен был поспеть к назначенному дню и бою. Но мы пришли лишь к вечеру и опоздали. Это было или 13 октября, в день взятия редута Горнего Добника, или 16-го, при взятии Телиша, или, что вернее, несколькими днями раньше, когда наш приступ был отбит. Мы спустились с гор в равнину после окончания боя и были полезны лишь тем, что помогали относить раненых довольно далеко к перевязочному пункту.

Там пришлось увидеть ужасную картину. Необозримое пространство было покрыто соломой, назначения которой мы в сумерках сначала не поняли; но эта солома двигалась, и из нее неслись стоны; ею покрыли от холода многие тысячи раненых.

Каждый из нас сознавал в глубине души, насколько наша служба в кавалерии была безопаснее судьбы пехотинца. Не говорю уже о том, что походная жизнь кавалерии малыми отрядами в отделе от больших скоплений войска была приятнее своим разнообразием и независимостью и давала нам возможность питаться не от интендантства, а собственной инициативой, зачастую обильно и вкусно.

Переночевав на месте бывшего сражения, мы вновь ушли в горы.

Сначала мы подошли под Тетевень в Большом Балкане, вероятно, как демонстрация для отвлечения турок от нашего главного на них натиска; в бою не участвовали и затем для тех же целей стали бивуаком недалеко от Софийского шоссе в узкой долине Искыра, ведущей к Этрополю, откуда должны были ежедневно беспокоить неприятеля, еще занимавшего этот город. В горах становилось холодно, а дивизион наш ставил на ночь палатки как редкое исключение. От самого выхода из-

под Плевны мы жили под открытым небом; к счастью, в ту пору почти не было дождей.

На чрезвычайно крутых горах не было никакой возможности растянуть аванпостную цепь; был избран только пункт в узкой Этропольской долине при слиянии ее с другой поперечной, и там стояла сторожевая охрана нашего бивуака. Отсюда и ходили разъезды по направлению к Этрополю.

Не могу не рассказать по этому поводу о некотором, так сказать, спорте, которым мы занялись и который мог окончиться плохо. В месте долины, где наши разъезды уже обстреливались турками, стояла водяная мельничка. Наши солдаты нашли в ней мешки с мукою, привезли с собою один и сделали хохляцкие галушки, показавшиеся нам с голода превкусными. Вот и началась забава: одни люди разъезда отвлекали на себя внимание неприятеля перестрелкою с ним, а двое пробирались в мельницу и на седле увозили мешок муки. Однажды и я был в том разъезде и занимался „отвлечением внимания“, а на сторожевом пункте, о котором я говорил, случайно был прапорщик Павлов, наблюдавший, по счастью, за поперечной долиной.

И слышу я отдаленный, едва уловимый ухом сигнал отступления и, немного погодя, новый сигнал – в карьер. Мы не заставили себя ждать, муку бросили и успели вовремя прискакать к нашему посту. По поперечной долине шел турецкий отряд, и мы могли быть отрезаны. После наших выстрелов турки, вероятно, не доверяя нашей малочисленности, повернули назад, не дойдя до слияния долин.

Наконец нам было приказано в назначенный день наступать на Этрополь с пришедшей батареей. Долина была так узка, что наш 1-й эскадрон мог открыть стрельбу в конном строю только двумя первыми взво-

дами, а затем, когда нас заменила артиллерия, то только для двух орудий нашли подходящую позицию.

В таком узком пространстве при горах, восходящих сразу под углом 45^0, ни кавалерии, ни пушкам в сущности нечего было делать. Мы, очевидно, исполняли задачу отвлечения на себя части турецких сил, пока гвардейский отряд делал свое дело с другой стороны Этрополя. Вспоминаю невероятное рокотание от многократного эха в этом узком проходе при каждом выстреле нашего орудия.

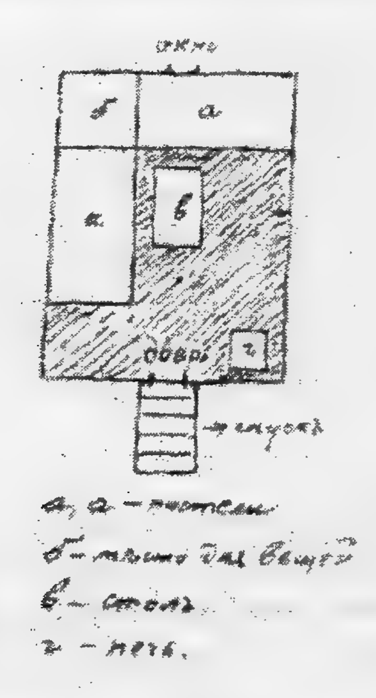
К вечеру мы вернулись на наш бивуак, и, кажется, уже на другой день наши оба эскадрона получили приказ идти походом обратно на Плевну. В несколько переходов по Софийскому шоссе мы дошли до деревни Дольний Добник, где был уже наш штаб с полковым командиром и 2-й дивизион. Это возвращение 1-го дивизиона к Плевне приходится на самый конец октября или на первые дни ноября (*см. с. 52*).

VII
Лагерь при Дольнем Добнике. – Служба по р. Виду. – Бой 28 ноября и сдача Плевны. – Полицейская служба полка в Плевне. – Царский смотр 2 декабря. – Оставление полком Плевны.
Ноябрь–начало декабря

Назначение Казанского полка в обложении Плевны состояло в несении аванпостной службы по реке Виду, на юг от моста, что на Софийском шоссе. Мы держали эти аванпосты, чередуясь с киевскими гусарами, бивуак которых был рядом с нашим.

Трудно было угадать время сдачи турок, поэтому приходилось устраиваться на зимнюю жизнь, и с этой

целью эскадроны выкопали себе землянки. Строевой материал для крыш и дверей мы без церемонии таскали из стоявшей рядом деревни Дольний Добник, покинутой жителями. Офицерские землянки копались приблизительно по нарисованному плану; кровати и стол – земляные, заштрихованное место – пол; поверхности постелей и стола делались на их естественной высоте; крошечная печь складывалась из кирпичей и камней; маленькое оконце затягивалось промасленной бумагой.

В этих землянках было очень тепло и воздух был всегда хороший; известно, что земля поглощает в себя все посторонние воздуху газы.

Жизнь шла однообразно, но не скучно.

Расположение бивуака примыкало непосредственно к турецкому редуту, ко входу в него. Там, где люди недавно погибли сотнями, мы поневоле устроили полковое отхожее место; было и близко, и удобно.

Чередование на аванпостах было редкое, на 8-й день, благодаря совместной службе с киевцами. Для

помещения главного караула при аванпостной цепи была использована мельница на Виду, что было очень приятно, и, наконец, самое стояние на аванпостах было вполне спокойное, потому что турки не делали никаких попыток нас беспокоить ни днем, ни ночью.

Несмотря на интендантское довольствие, стол иногда разнообразился вкусными блюдами вроде жареного гуся. Не припоминаю, откуда его могли доставать денщики.

Артиллерийская перестрелка с Плевной доносилась до нас только как отдаленный гул.

Жить бы так хоть всю зиму!

Но Осман-паша решил иначе.

Утренняя заря 28 ноября была ясная, тихая и морозная. Все эскадроны еще спали, кроме первого, который уже седлался, чтобы идти на аванпосты на смену киевским гусарам; добрая половина людей была... в редуте и, как принято было у нас выражаться, представляла из себя „орлов". (Представьте себе степного орла, далеко севшего в поле).

И вдруг внезапный сигнал тревоги!

Орлы редута стремительно понеслись на бивуак, застегиваясь на бегу (закрываю лицо руками: и я в том числе).

Ровно через пять минут (буквально) 1-й эскадрон построился, готовый к выступлению, еще через несколько минут весь полк был в сборе и ожидал приказа.

И вдруг грянули выстрелы. Начался тот большой исторический бой, которым кончилась осада Плевны. В течение трех-четырех часов длился гром, грохот стрельбы, треск, в котором нельзя было отличить отдельных пушечных выстрелов, усиления или ослабления огня. Шел непрерывный, равномерный, всемогущий грохот-гром.

Мы знали, что наш полк и Киевский гусарский имели назначение ударить во фланг туркам, если бы они прорвались через гренадер и стали уходить на Софию. Мысленно мы все приготовились.

В зависимости от перелета до нас турецких пуль и, вероятно, применяясь к изменению места боя, наша кавалерия несколько раз переменяла позицию, в общем, однако, приближаясь к сражению.

И вдруг этот ужасный треск стал быстро затихать, и уже через несколько минут наступила полная тишина.

Контраст был ошеломляющий! Но так длилось недолго.

Мощные и долгие раскаты тысяч и тысяч человеческих голосов, точно волны, дошли до нас:

– А–а–а–а ..... а, а, а, а ..... а, а, а, а.......

Мы поняли, что это – победное „ура“ всего гренадерского корпуса и что турки сдались; наши эскадроны с восторгом повторили их крик.

Такие минуты запечатлеваются в памяти как события в жизни.

Долго пришлось ожидать дальнейшего приказа. Наконец, он пришел: идти к мосту в город; и полк повзводно рысью пошел к Плевне.

Тут еще раз пришлось увидеть потрясающую картину.

Мы шли у самых траншей гренадерского корпуса; первые для нас, т.е. последние от неприятеля, траншеи были пусты, но перед двумя первыми, в которых гренадеры приняли атаку, очевидно, из первой отступив во вторую, лежали непрерывные, сплошные груды убитых турок во всю длину траншей, люди на людях в несколько пластов. Наших мертвых не было, их уже прибрали.

....

....

....

Полк остановили около реки у самого моста и спе́шили, офицерам разрешили пройти через мост; с ними был и я.

Удивительное зрелище представилось нам! В центре площади наш генералитет, кругом группами турецкие разоруженные солдаты, с любопытством на него глазеющие, и повсюду шмыгают пешие казаки в поисках... „добра“. Но турки заволновались, стали расходиться, и в коляске въехал раненый Осман-паша. После короткого совещания с нашими генералами его увезли. Увидеть его – было нашей большой удачей.

Направо, непосредственно за зданиями (или землянками, не помню), мы заметили обширное поле, по которому ходили наши, конечно, больше „казачки́“. Огромное пространство было сплошь усеяно турецким оружием; сколько ни искали мы чего-нибудь достойного внимания, найти не могли; оно все уже было выбрано теми, кто умел „изловчиться“. Оставались никому неинтересные ружья и казенные солдатские сабли. Но часа через два, и больше на другой день, мы уже нашли продавцов, конечно, казаков, Многие офицеры купили винчестеры, но были в предложении и прекрасные револьверы.

Прошли мы также по дороге в город. Налево, на пространных пустырях, стояли тысячи турецких крестьянских каруц с приспособленными сверху кибитками-крышами, под которыми прятались женщины; кое-где стояли мужчины; не помню, видел ли я скот; думаю, что все волы и буйволы были съедены.

Здания направо вдоль улицы, очевидно. служили госпиталем, из них были вынесены трупы и положены в

ряд, тут же под стеною. Вероятно, эти люди умерли от голода: в области живота их туловище было так тонко, что его можно было обхватить пальцами обеих кистей рук. На этот раз до центра города мы не дошли, а к вечеру полк вернулся в свой бивуак. За целый день ни люди, ни лошади ничего не ели.

Отдыхать полку не пришлось, ему было приказано, кажется, со сменою дивизионов нести полицейскую службу в самой Плевне, поддерживая порядок разъездами. Эти разъезды человек в пять с офицером или унтер-офицером беспрерывно ходили по улицам и между возами спасшихся в Плевну поселян, преследуя грабежи. Ими занимались преимущественно румынские солдаты и наши казаки; приходилось ударами нагаек выгонять их из кибиток, куда они грубо залезали, чтобы из рук несчастных женщин вырывать имущество. На таком разъезде я лично был свидетелем, как несколько казаков переругивались со своим офицером, которому при мне было сказано: „Вашему благородию вольно грабить, а нам нельзя?“

Этим неприятным делом полк занимался недолго, в начале декабря мы получили приказ идти под Рущук в отряды наследника.

2 декабря казанцы представлялись на царском смотру, выстроившись вдоль Софийского шоссе. Государь проехал вдоль фронта с левого фланга к правому и внимательно смотрел на лица солдат.

В начале декабря (числа вспомнить не могу) мы распрощались с нашими уютными землянками и навсегда покинули Плевну; но первый этап был все-таки в ее пределах, полк стал на ночлег близ самого – печальной памяти – Гривицкого редута (*см. с. 54–55*).

VIII

Переход полка в Белу. – Возвращение к Балканам. – Переход чрез Троянов перевал. – Карлово. – Филиппополь. – Движения и бои за Филиппополем. – Караджиляр и взятие 48 орудий и нахождение еще девяти. – Рекогносцировки в Родопы. – Куш-Алиляр. Январь 1878 г.

Поход полка на восток и стоянка в Белу – одно из тяжелых воспоминаний кампании. Стала зима со снегом и жестокими морозами, про которые болгары говорили, что их принесли с собою русские. Переходы и ночлеги в 20-градусные холода граничили со страданием. Когда, дня через три-четыре, полк пришел в Белу, большую слободу на Янтре, то ему отвели для размещения покинутые жителями и промерзшие здания без стекол в окнах и там оставили на неопределенное время. Кажется, мы простояли в Белу дней десять. Спасались от холода, как могли, заклеивши окна бумагой; кормление людей и лошадей тоже вызывает во мне тягостные воспоминания. К этому же времени относится и развитие в полку эпидемии кровавого поноса.

Насколько эта болезнь тягостна, особенно в морозные ночи, я имел удовольствие испытать на себе.

Затем назначение перехода в отряд наследника было отменено и приказано вновь идти через Терново к Балканам.

Рождественские праздники мы встретили в этом походе, из Тернова повернули на запад, прошли через Сельви, кажется, заходили в Ловеч и, наконец, если не ошибаюсь, 30 декабря пришли в деревню Троян, в самой глубине горы, у подошвы перевала, носящего имя этой деревни.

В Трояне мы встретили новый 1878 год и 1 января перевалили через хребет в Карлово. Восхождение пешком по крутой, протоптанной в снегу тропе было очень тяжело, надетые полушубки обременяли. Мы помогали себе тем, что держались за хвост впереди идущей лошади, которая из-за крутизны не имела возможности лягнуть.

В Карлове мы вступили в отряд Скобелева-отца, имевшего задачей взятие Филиппополя; так как для той же цели наши войска шли из Софии, и старику Скобелеву хотелось их предупредить, то он спешно с нашим полком двинулся на юг. В два перехода мы дошли до Филиппополя и нашли его занятым накануне или утром Софийским отрядом.

Через день (или на следующий день) полк был двинут на юг для преследования уходящего Сулейман-паши. Упомяну о ночлеге в покинутой турецкой деревне. Полк не имел с собою буквально никаких запасов пищи, а в деревне не нашлось ничего, кроме большого склада грецких орехов какого-то оптового торговца. С голода все набросились на это лакомство и два дня исключительно питались орехами. Не знаю, возможно ли выдержать дольше! К концу второго дня мы не могли думать о них без отвращения. Трехдневное сиденье под Плевной на кукурузе без соли было несравненно легче.

5 января, если не ошибаюсь в дне, завязалась артиллерийская перестрелка с уходящими турками, наши два эскадрона, 1-й в том числе, прикрывали батарею; турецкие орудия стояли близко на высоте, мы их прекрасно видели, но их выстрелы по нас давали неизменно недолет, и наше прикрытие не понесло никакой потери. Турки вскоре ушли, а полк почему-то на том же месте, в кукурузном поле, под снегом и в снегу, остави-

ли на ночь. Это была одна из самых омерзительных ночей за всю кампанию.

Затем нас подчинили казачьему генералу Краснову, и мы с его тремя сотнями составили отряд для захвата увозимых турками орудий. Пошли на запад с величайшей поспешностью, 7 января выступили из ночлега еще ночью и ранним утром подошли к деревне Караджиляр. После небольшой перестрелки в конном строю отряд на рысях вошел в деревню узкими проулками, по которым можно было ехать только по два в ряд, и когда мы выскочили на большую поляну среди села, то глазам нашим представилась картина, которую рассудок не мог сразу охватить: никаких турок уже не было, они успели ускакать, а на поляне стояли десятки пушек с их зарядными ящиками. В своей поспешности спастись турки и испортить их не успели. Там стояло 48 орудий!

3-й и 4-й эскадроны были немедленно посланы преследовать уходящего неприятеля, но их трофеями на этот раз оказались только каруцы спасающихся мирных жителей; неприятеля и след простыл.

Полк расположился лагерем в самом Караджиляре и посылал разъезды к Родопским горам; и там, уже на подъемах, были замечены новые орудия; мы выступили и нашли брошенными в снегу еще 9 пушек, которые с разными затруднениями доставили к себе.

Помнится, реляция ген. Краснова о бое была очень воинственна и красноречива и, конечно, выдвигала геройство казаков; но тем не менее и нашему командиру полка было дано указание представить офицеров к наградам и нижних чинов к Знаку Военного ордена, по несколько крестов 4-й степени и по одному 3-й степени на эскадрон.

Из Караджиляра полк делал несколько рекогносцировок для выяснения расположения турок. Упомяну об

одном грустном эпизоде. Офицеры 1-го эскадрона нашли в лесу в горах среди трупов мирных жителей, брошенных турками, мертвую женщину, около которой сидела живая девочка лет четырех. Мы взяли ее с собою, поместили с собою же в комнате и принялись кормить и ухаживать за нею. Задача была нелегкая, мы не понимали ее лепета, а турок около нас не было. Ребенок был глубоко несчастлив и плакал целыми ночами, мы выбивались из сил. Когда полк пошел в Родопы и пришлось везти ребенка на вьюке, то командир эскадрона, капитан Подольский, вынужден был оставить девочку в болгарской семье в деревне по нашему пути и выдал на прокормление несколько золотых. Эти болгары имели зловещий вид, жизнь человеческая тогда ничего не стоила, я не сомневаюсь в том, что они ее умертвили.

Из Караджиляра полк произвел большую рекогносцировку к деревне Куш-Алиляр. Тоже тяжелое воспоминание. На большой высоте, по крутому откосу, по тропе, доступной только привычным местным лошадям и ослам, весь полк вынужден был растянуться по одному. В Куш-Алиляре оказался турецкий отряд, который, отстреливаясь от наших спешенных эскадронов, отступил. Однако наши „солдатики“ замешкались (я скажу ниже, почему) и вернулись к лошадям уже в темноте. Было очень холодно, и люди, пришедшие раньше, развели большие огни, около которых грелись. По возвращающимся турки опять стали стрелять, и мы временами им отвечали наугад в темноту. Когда весь полк был в сборе, командир отдал приказ о возвращении, и мы вынуждены были очень долго в полном мраке вновь вытянуться по одному по этой убийственной тропе. Не успели последние люди „хвоста“ отойти от костров саженей на 50, как по ярко горевшим огням турки дали

два густых залпа и, судя по звуку, на близком расстоянии. К счастью, они не решились или не догадались напасть сбоку на эту „гусеницу“ людей.

А замешкались „солдатики“ вот почему: в избах, прямо на полу, лежали раненые и с отмороженными ногами люди, которых отступивший отряд, конечно, не мог захватить с собою; а у этих оставшихся должны быть деньги в карманах и поясах. Поэтому драгуны закалывали несчастных штыками и грабили трупы. Не смею сказать, чтобы убийством занимались все, но во всяком случае многие. Я благословлял случай, по которому на этот раз я оставался командовать коноводами.

Неизбежное последствие деморализации, которую несет за собою война.

IX
Сформирование с полком летучего отряда для похода в Родопы. – Гюмюрджина. – Возвращение в Родопы. – Поход к Адрианополю. – Мустафа-Паша-Кеприи-Су.
Январь

Наконец, числа 16 января, наше пребывание в Караджиляре кончилось, и мы выступили в новый поход. Из нашего полка и двух сотен казаков под командой, кажется, того же генерала Краснова составлен был летучий отряд для преследования отступающих частей Сулейман-паши. Однако с берега Арды один эскадрон, если не ошибаюсь, 3-й, получил назначение идти в Адрианополь, и поход продолжили только три эскадрона.

После рискованного перехода вброд быстрой и глубокой Арды мы втянулись в совершенно дикие горы с вьючными тропами вместо дорог и числа 21-го вошли в турецкий город Мастанлы. Здесь немногие оставшие-

ся жители поведали нам новость, которая до нас еще не дошла, – весть о перемирии, заключенном 19 января. Передневав в Мастанлы, отряд все-таки продолжал движение на юг, не имея официального извещения о приостановке военных действий, и через два перехода дошел до г. Гюмюрджины.

Когда мы поднялись на перевал последнего кряжа, то увидели перед собою далекий горизонт Эгейского моря, а вся природа вокруг нас носила характер теплого юга.

Мы были единственной частью всей русской армии, которая дошла до Эгейского моря.

В Гюмюрджине турецких войск не было, Сулейман-паша успел всех погрузить на суда; но городские власти пытались ставить нам препятствия для входа в город в силу заключенного перемирия. Затруднение, однако, было улажено, и мы приятно провели там три дня, пока поручик фон Мейер 1-й ездил в г. Дедеагач к британскому (или французскому) консулу для получения официального извещения о перемирии.

Уже мирным маршем со спокойствием в душе мы ушли из Гюмюрджины и по прежней дороге вернулись к Арде, где в горах простояли несколько дней, пока не получили приказа идти к Адрианополю. Пройдя Хаскиой и Херманлы, полк вступил в гор. Мустафа-Паша-Кепри-Су на Марице, где был временно задержан.

Вспоминаю о забавной встрече нашей еще в горах до выхода на Адрианопольскую дорогу.

При проходе через одну деревню жители бросились к командиру полка с воплями и жалобами: их всех сегодня ограбила шайка разбойников, которая скрылась, услышав о нашем приближении. Жалобы последствий не имели, мы продолжали свой поход.

Приблизительно через час мы встречаем группу вооруженных всадников, которые вежливо, с поклоном уступают нам дорогу, и старший из них обращается по-болгарски к командиру полка с заявлением, что его люди соединились для преследования разбойников, грабящих в этой местности, и что они все к услугам г-на полковника. Не может ли г-н полковник ему указать, куда скрылись разбойники? Командир полка его поблагодарил, и мы по-прежнему пошли дальше.

Но вскоре к нам навстречу бегут растерянные люди: „Нашу деревню сейчас ограбили, разбойники ушли по этой дороге, вы должны были их видеть". – „Мы действительно встретили вооруженных, но ведь это ваши защитники". – „ Какие защитники! Это-то и есть разбойники!"

Посмеявшись над ловкостью и находчивостью их атамана, мы... опять пошли дальше!

X
Вхождение полка в оккупационную армию. – Жизнь под Адрианополем. – Служба в Родопских горах. – Возвращение в Адрианополь. – Поход в Филиппополь. – Вступление в Татар-Базарджик. – Десятимесячная стоянка в нем. – Возвращение полка в Россию. Февраль 1878 – июль 1879 гг.

Заключение Сан-Стефанского мира 19 февраля состоялось во время нашей стоянки в Мустафа-Паше, и там же мы получили известие об оставлении 9-го армейского корпуса (т.е. нас) на оккупации выкроенной мирным договором Восточной Румелии. Эта новая служба полка началась с размещения эскадронов по селениям Адрианопольской провинции, 1-й эскадрон

ушел в большую греческую слободу Каваклы, в 60 верстах к северу от Адрианополя, в котором расположился штаб полка.

С начала мая полк получил новое назначение: перейти в Родопские горы, в район вспыхнувшего там восстания, – охранять демаркационную линию Восточной Румелии по реке Арде.

Боевых потерь в полку не было, но тем не менее служба была напряженная, требовалось недопущение восставших к переходу Арды.

Некоторым из молодых офицеров полка было поручено произвести съемку и нанести на карту все занятые нами горы и по возможности селения во вражеском районе. Помню, что на мою долю пришлось снять около 50 квадр. верст.

В тех же местах в полку обнаружились случаи сыпного тифа, и эта болезнь причиною тому, что я не могу с достаточною точностью указать, как протекала для полка вторая половина лета 1878 года.

Знаю, что полк вновь переместили в горах же. На новой стоянке он подвергся повальной эпидемии злокачественной чесотки, которая страшно изнуряла заболевших. Были недели, когда службу могли нести только те, кто в данный момент чувствовал себя в силах к тому.

Осенью, вероятно, в сентябре, полк вступил в Адрианополь, а в начале октября перешел на зимние и последние на чужбине квартиры в городе Татар-Базарджик на запад от Филиппополя.

В Татар-Базарджике расположились первые два эскадрона, 3-й стал в городке Пещере, в узкой долине Родопских гор, 4-й – не помню где. Жизнь протекала вполне на мирном положении, с учениями и смотрами. В ту же зиму в полку были заменены старые, никуда не

годные ружья Крынка ружьями Бердана, и солдаты обучались стрельбе из них.

Там же был сформирован из всех эскадронов один сводный „конно-пионерный эскадрон“, к которому были прикомандированы при офицере несколько унтер-офицеров, саперов для обучения полевым защитным сооружениям. Почему-то этот эскадрон на учениях неизменно пускали в карьер, на котором несчастные саперы непременно все кувыркались с лошадей, и двое из них поломали себе ноги. (Я был командиром взвода от 1-го эскадрона).

С февраля 1879 года я оставил полк, получив перевод в Россию, и поэтому не могу ничего сказать о том, как Казанский полк окончил свои последние оккупационные месяцы в Болгарии.

В конце июля или в начале августа полк возвратился в Россию, опять в Ромны, где я, уже штатским человеком, имел честь его приветствовать и поздравить с возвращением на молебне на городской площади и на обеде, которым чествовали офицеров городские и земские власти и все общество города и уезда.

За свою службу в описанную мною кампанию 9-й драгунский Казанский полк получил орден Св. Георгия на штандарт.

Спасена ли эта святыня или уничтожена озверевшими русскими людьми? (*см. с. 55*)

Корнет Прянишников

Ментона

Май 1929 г.

См. приписку на с. 59

Дополнительные воспоминания лично о себе в связи с участием Казанского полка в войне 1877–1878 гг.

К главе I

Возможность моего поступления в кавалерийский полк осуществилась благодаря участию и доверию моей двоюродной сестры Маши Бартоломей (тети Маши), и я с глубокою благодарностью вспоминаю о ее великодушном поступке.

В то время желающий поступить вольноопределяющимся в кавалерийский полк обязан был внести „реверс", сумму в несколько сот рублей (цифры не помню), как гарантию того, что у него будут средства себя обмундировать и купить лошадь – в случае производства в офицеры. Ни у меня, ни у кого из нашей семьи таких свободных денег не было, и Маша, классная дама в Харьковском женском институте, будучи сама без средств, предложила свои сбережения, несколько выигрышных билетов 1-го и 2-го займов, как обеспечение реверса. Я воспользовался ее добротой и после окончания войны и своего производства возвратил эти билеты.

Для поступления в полк я выехал из Харькова в Ромны уже после объявления мобилизации, ехал три дня с задержками на станциях. Меня приютили у себя в Ромнах Кузнецовы – доктор Михаил Иванович и жена его Адель Адольфовна, родная сестра Марии Адольфовны Лоретц. Он же представил меня начальнику 9-й кавалерийской дивизии генерал-майору Лашкареву, который и приказал принять меня в Казанский полк.

Мое зачисление состоялось приказом от 17 ноября 1876 года.

При остановке эшелона в Харькове я успел съездить к сестре Анне попрощаться с Грищенками и получил от них прекрасный черный форменный полушубок.

В Ананьеве я усиленно обучался военному делу и верховой езде на учениях и особенно на частных уроках, которые я брал у моего взводного вахмистра и трубача эскадрона.

18 января 1877 года на смотру начальника дивизии я удостоился его похвалы за езду при прохождении полка по одному разными аллюрами, и затем тут же Лашкарев вызвал меня и поздравил унтер-офицером. На другой день мне приказано было явиться к нему. Спешно нашили мне на мундир галуны, и утром командир эскадрона В.Г.Петтеш лично повел меня к генералу, где мы удостоились угощения. Это благоволение было мне очень полезно в полку.

Перед выступлением из Ананьева в поход добрейший Влад. Густ. Петтеш разрешил мне под видом командировки съездить на сутки в Харьков. Анна и Иван Кириллович были очень довольны моим воинственным видом, который преобразил сгорбленного студента в бравого солдата. Моя бывшая няня, а в то время няня Анниных детей, Констанция Тимофеевна благословила меня в поход. Мама жила тогда в Италии.

На моем солдатском мундире я носил ученый знак инженер-технолога, что принесло мне на службе большую пользу.

К главе IV

Во время нашей скачки под обстрелом каждая шрапнель своим приближающимся грозным свистом заставляла всех нас невольно падать туловищем на шею лошади; каждому казалось, что снаряд снесет сейчас именно его голову. Я вспомнил сцену у Толстого, ка-

жется, в „Войне и мире“, когда офицер во время боя запрещает своим солдатам „кланяться“ неприятельским ядрам. Мне стало стыдно, я преодолел себя и перестал нагибаться. Мне захотелось также скомандовать своему взводу: „Казанцы, не кланяйтесь турецким снарядам!“, – но я вовремя увидел, что и генерал Раух прижимается к лошади, как и все. Свою фанфаронаду я оставил при себе и ограничился лишь тем, что выдержал самого себя до конца.

Не успели мы из Эски-Загры отступить к Шипке, как я был послан в командировку, которая потребовала трех дней. Из них целых два дня я был предоставлен самому себе, совершенно независим, жил, как хотел. После ужасов нашего поражения эта свобода и душевный отдых были особенно отрадны, и мне хочется самому себе рассказать о тех трех днях. Наивный детский пересказ.

Я получил от ген. Рауха такой приказ: „Вьючному и легкому обозу Передового отряда не было дано приказания отступать далее Шипки, между тем на перевале его нет, очевидно, он ушел по шоссе к Тернову. Догоните его, возвращайте самолично каждый вьюк, который настигнете, но в особенности отыщите начальника обоза (была названа греческая фамилия, что-то вроде Папаригопуло) и вручите ему вот этот приказ о возвращении“.

Я немедленно сел на своего Гроба и начал Шипкинский подъем; когда я достиг перевала, день подходил к концу. На плоской вершине его среди турецких казарменных построек я нашел многочисленную публику, оба герцога Лейхтембергские тоже были там. Я доложил им о моей командировке и получил приказ и об их обозе. Все собравшиеся вокруг них желали на-

стойчиво получить свои вьюки обратно. Я только и слышал: „Прянишников, и мой, и мне,.. и для меня!“

Сумерки наступали. Я проехал около скалы Св. Николая, получившей впоследствии славную известность при защите Шипки Радецким, и начал рысью спускаться по шоссе. На высоте после лучезарного заката вечер был необыкновенной красоты и тишины, но по мере спуска сгущалась мгла, и в этой темноте предстала пред взором другая волшебная картина: по всем долинам между гор, где людям возможно было приютиться, запылали костры; это болгары, спасшиеся из уничтоженных турками деревень и городов и идущие за Балканы на север, остановились на ночлег. Около шоссе, закрываясь руками от света костра, они испуганно всматривались в темноту на скачущего всадника; моя поспешность, наверно, вызывала в них новую тревогу.

Около полуночи, все время рысью, я проехал Габрово. Город спал, тишина была полная, я слышал лишь журчание воды в водоемах да отдаленный крик осла, этого „болгарского соловья“, как его прозвали наши солдаты. Меня охватило очарование моего одиночества, мне казалось, что я один живой в волшебном спящем царстве.

Но город уже за мною, я вновь поднялся на высоту и чувствую, что лошадь моя более не в силах двигаться. Пользуюсь близостью каких-то повозок, ставших на ночь, и сам устраиваюсь недалеко от них: ложусь в шоссейную канаву и повод лошади привязываю к руке. С зарею я продолжаю свое преследование, надо выгадать время, пока вьюки еще недалеко ушли после ночлега. И действительно, я начинаю их догонять или нахожу еще на привале; денщики с досадой и огорчением принимают мой приказ. Их общий ответ о начальнике обоза: растерял нас всех, скачет впереди со страха, что

турки гонятся по пятам, вы его не найдете. Но я догнал его. Пришлось миновать большую деревню Дреново, повсюду задерживать вьюки отряда, растянувшиеся на десятки верст, и, наконец, за 9 верст до Тернова я нагнал удиравшего в коляске начальника обоза. От Габрова до Тернова около 40 верст.

Данное мне поручение исполнено! Я вправе отдохнуть и возвратиться не спеша. Чувство независимости казалось блаженством.

Прежде всего я сделал длинный привал на постоялом дворе в Дренове, задал моему Гробу полную кормушку ячменя, вымыл себя и снятое с себя белье, сидя на камнях ручья, и съел яичницу-глазунью из 12 яиц, к ужасу мальчика прислужника. К вечеру я был в Габрове, где остановился в „гостинице“, поручивши лошадь конюху. Еще заранее я наслаждался мыслью, что буду спать в комнате и на кровати, хотя и первобытной, а на самом деле метался всю ночь и лишь к утру заснул тяжелым сном. Мне казалось, что я заперт в ящике, потолок давил меня, не хватало воздуха, я тосковал по звездному небу, по простору, по ласке ветерка, по утренней росе, от которой с улыбкою сквозь сон сладостно прячешься под шинель.

Днем гулял по городу, лакомился всякой дрянью, перековал лошадь, в чем она давно нуждалась, вкусно пообедал восточными блюдами, а в середине дня сел в седло и по знакомой дороге начал подъем на Шипку. На привале у казачьего поста за кружку воды угостил казаков купленной в Габрове сливовицей, и за это они меня величали: господин-барин урядник из так себе, а может, и из благородных (в казачьих войсках урядником зовется унтер-офицер).

Смеркалось, когда я поднялся на высоту. Балканы были пусты, огней уже не было, беглецы успели все

сойти в долину; оставались только наши отряды на перевале. Я подъезжал к ним, проникнутый красотою умирающего дня на горных вершинах, величием картины и памятью о пережитом; до моего слуха донеслось мелодичное и грустное пение. Пели хором:

О, горные вершины,
Я вас увижу ль вновь,
Балканские долины,
Могилы удальцов?

Чуть ли не в нашем полку (капитан Щеголев?) сочинили или переделали это стихотворение; я помню только приведенное четверостишие и еще один куплет:

Но вот Тунджѝ долина,
Где кровь лилась рекой,
Где храбрые дружины
Дрались за край родной.

Меня встретили новостью: Передовой отряд расформирован и отступает за Балканы на север, бывшие ординарцы Лейхтембергских возвращаются в свои полки.

Переночевав под навесом турецких конюшен, я сияющим утром спускался в долину Тунджѝ и с радостью вошел в эскадронную семью.

К главе V

Во время отдыха полка в Ново-Никупе был получен приказ командировать в Главную квартиру армии всех офицеров и нижних чинов, состоявших в Передовом отряде при обоих герцогах Лейхтембергских. Как раз в это время Евгений и Николай Максимилиановичи еха-

ли в Главную квартиру в Горний Студень, и я где-то по пути к ним присоединился.

В Горнем Студне нас сначала представили поименно главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу и затем общей группой государю. На другой день ординарцев офицеров и нас, вольноопределяющихся, потребовали к дому, где помещался великий князь. Он сидел на стуле перед крыльцом избы, окруженный своим штабом; мы поочередно подходили к нему, и он прикалывал каждому из нас награды; нам, вольноопределяющимся, он навесил солдатские Георгиевские кресты 4-й степени. Вместе с нами удостоились той же награды вестовой Евгения Максимилиановича, его денщик и грузин, находившийся при князе исключительно для жарения шашлыков. Правда, он в боях хотя и не участвовал, но человек был очень хороший.

Когда я возвратился к полку со своим Георгием, то несколько удивил нашу публику; все были уверены, что я вернусь офицером.

В послужном списке мои оба Георгия названы „именными", потому что даны непосредственно определенному лицу, в отличие от тех крестов, которые присылались в известном количестве на роту или эскадрон для распределения самими солдатами между теми, кого они признавали достойнейшими. К сожалению, такой способ почти всегда приводил к злоупотреблениям и несправедливостям и к концу кампании был отменен.

К главе VI

Вспоминая в этой главе об октябрьском походе 1-го дивизиона в местности, уже очищенной от неприятеля, я назвал эти переходы приятными. Такими они дейст-

вительно и были, но тем не менее один эпизод, касающийся лично меня, оставил во мне жуткое воспоминание. Мне хочется его рассказать.

В этой части Балканских предгорий действительно уже не было турецких войск, но башибузуки и просто разбойники мелкими бандами продолжали скрываться в лесах и нападали, где были в силах, для грабежа. Составились и мелкие группы болгарских партизан для борьбы с ними, и нашему отряду случалось встречаться с такими вооруженными болгарами где-нибудь в лесу на неожиданном повороте дороги.

После ночлега, кажется, в Турском Изворе отряду предстояло стать следующим бивуаком в пересеченной местности, под лесом без всякого жилья. Наш начальник, полковник Орлов, распорядился, чтобы я с небольшим разъездом в 4–5 человек вышел за 3 часа до выступления отряда по указанному направлению, нашел назначенный на карте пункт и выбрал там удобную стоянку для наших двух эскадронов и казачьей сотни. Это приказание я в точности исполнил, нашел поляну с легким уклоном между лесом и ручьем на дне долины, разбил место для коновязей, отдохнул и выехал навстречу отряду при его приближении, чтобы провести на бивуак, думая в то же время с удовольствием об ужине, который начнут готовить в эскадроне.

В это самое время показался дым от возникающего пожара в лесу на возвышении, верстах в 3–4-х от нашего расположения.

Обеспокоенный этой близостью чего-то неизвестного, полковник Орлов говорит мне: „Вы успели со своими людьми отдохнуть. Проведя нас на бивуак, поезжайте со своим разъездом к месту пожара и выясните, что там делается“. Уже смеркалось, а когда я въехал в лес, стало совсем темно. Взятая мною лесная колея бы-

ла так узка, что можно было ехать только по одному, я шел первым; густая заросль совершенно скрывала края дорожки, мы ехали точно в узком черном коридоре. По временам останавливались, прислушивались, но долго не замечали ничего тревожного. Но вот прямо к морде моей лошади выскакивает из ветвей человек, лошадь шарахается в сторону. „Братушко, аз бо́лгарин. Услышав вашу русскую речь, я к вам и вышел, а то ведь тут и башибузуки бродят. Нас четверо, мы тоже хотим видеть, в чем дело. С вами не так страшно будет“. Вскоре вышли на дорогу остальные болгары. Вместе двинулись дальше.

Показался между стволами отдаленный огонь, потом послышался треск пожара. Подойдя на возможно близкое расстояние, исследуем тихонько пожарище, скрываясь за ветвями: горит лесной хутор, никого не видно. Объезжаю всю усадьбу, с помощью этих подозрительных болгар, вооруженных по-разбойничьи, ищу хоть какой-нибудь признак людей – друзей или врагов – никого нет! Очевидно, подожжен хутор уже пустым. Но кем, турками ли, болгарами ли? Ответа я не мог найти.

Когда я вернулся в лагерь, уже все спали, была глубокая ночь. Разбудив командира и дав ему отчет о виденном, я, уже предчувствуя неудачу, направился в эскадрон все-таки с надеждою найти остатки ужина, но от него ничего не осталось.

Так мы с моими людьми, не евши, и заснули.

К главе VII

На бивуаке при Дольнем Добнике на дверях землянки, в которой мы жили с поручиком Пуговочниковым, мною была сделана надпись:

„Просят посетителей:
Не входить стремительно,
Не вышибить лбом дверной перекладины,
Не говорить слишком громко,
Не п…д…ть.
Неисполнение этих условий повлечет за собою разрушение землянки“.

Офицеры приходили смеяться, и даже приведенный командир полка удостоил улыбки.

В день сдачи Плевны на поле, на котором турецкие войска сложили оружие, я купил у казака за два полуимпериала (самому подобрать не удалось) прекрасный револьвер Лефоше с художественной насечкой в форменной офицерской кобуре с полумесяцем.

К главе X

Припоминаю некоторые особенности моей службы в оккупационное время. В деревне Каваклы мне приходилось исполнять обязанности судьи для населения и решить несколько денежных тяжб. В Татар-Базарджике я производил судебные следствия как по преступлениям нижних чинов по отношению к местному населению, так и по разбору несчастного случая, повлекшего смерть солдата. Также был назначаем членом полкового суда для разбора дел по воровству и по нарушению правил по дисциплине нижними чинами местного гарнизона.

С удовольствием вспоминаю мои экскурсии из Пéщеры, куда я ездил в 3-й эскадрон к милому капитану (уже майору?) Щеголеву.

Мне удалось найти книжку „Географико-историческо описание-то на Татар-Пазарджишку-ту Каазу“ – (уезд) и по ее указаниям отыскать и осмотреть в горах обширные пещеры, целебный источник, естест-

венный ледник в глубине одной долины, и в особенности посчастливилось подняться на большую гору того района Родоп – Перин-планину, на вершине которой лежит большой кубический камень с выдолбленным местом для сиденья. То был, конечно, или алтарь, на котором закалывалась жертва Перуну, или восседала статуя самого Бога.

Моим проводником был житель Пе́щеры, благородный и милый турок Вели-Чаут. Чаут – унтер-офицер.

Вся эта местность в отношении предшествовавших событий известна тем, что в 15-ти верстах от Пе́-щеры, в глубине гор, лежит село Батак, в котором начались первые зверства турок над болгарами, обратившие на себя внимание сначала Европы, а потом постепенно доведшие русское заступничество до войны и до освобождения Болгарии.

В Родопских горах во время топографических съемок, которыми я увлекся, я заболел сыпным тифом (тогда его называли пятнистым). После попытки сдать меня в госпиталь, откуда я бежал, меня великолепно устроили во врачебном „околодке" полка в Адрианополе, благодаря участию и заботливости командира полка полковника Тимирязева. Когда я оправился, я написал матери о болезни, и мой брат Ипполит и жена его Соня, дружные с семьей военного министра Милютина, уст-

роили мне отпуск по телеграфу в полк из Главной квартиры армии. Я прожил в России четыре месяца и вернулся к полку в Адрианополь в начале октября 1878 года.

Чтобы выйти в отставку, чего из оккупационной армии невозможно было сделать, Соня выхлопотала мне тоже через Милютина перевод в Россию в полк, находившийся на мирном положении.

Командир 6-го драгунского Глуховского полка, полковник Иванов, дружный с моею теткою Зинаидой Фед. Гротен, согласился на мой перевод в его полк и отпуск с правом даже не являться к нему, а представить прошение об отставке, приехавши в Россию. Я так и сделал, но вынужден был в течение нескольких месяцев до получения указа об отставке носить форму Глуховского полка.

Мысленно и справедливо я горжусь тем, что за всю кампанию, когда в полку была такая масса побитых под седлами лошадей, я ни разу не испортил спины ни одной лошади, т.е. во время всех походов, при всяких условиях сиденья на седле, – то подъемы на кручу, то спуски, то быстрые аллюры в жаркое время, – я всегда сохранял правильную учебную посадку. С Ананьева и до Татар-Базарджика я переменил четыре казенныех лошади и в последнем городе на ученьях пользовался лошадью товарища по его просьбе; его штабная служба не оставляла ему времени на верховую езду.

В заключение делаю выписку из моего послужного списка, имеющую отношение к моему участию в войне.

„Корнет Александр Петрович Прянишников, кавалер орденов: Св. Анны 4-й ст. и Св. Георгия 4-й и 3-й ст. за №№ 40197 и 2558, имеет светло-бронзовую медаль в память войны с Турцией в 1877 и 1878 гг. и за участие при обложении Плевны под начальством Его Королевского Высочества князя Карла Румынского железный Румынский крест. В службу вступил на правах вольноопределяющегося 1-го разряда рядовым в 9-й драгунский Казанский эрц-герцога Австрийского Леопольда полк – 1876 г. ноября 17-го; произведен в унтер-офицеры – 1877 г. января 18-го; за отличие в сражениях награжден именным Знаком отличия Военного ордена Св. Георгия 4-й ст. за № 40197 – 1877 г. августа 17-го; высочайше награжден именным знаком отличия военного ордена Св. Георгия 3-й ст. за № 2558 за оказанную храбрость в деле против неприятеля 7 января при отбитии неприятельских орудий в селе Караджиляр – 1878 г. февраля 25-го; приказом по действующей армии, в 21-й день февраля 1878 года состоявшимся за отличие в делах против турок произведен в прапорщики – 1878 г. февраля 21-го; переведен в 6–й драгунский Глуховский полк – 1879 г. января 12-го; награжден орденом Св. Анны 4-й ст. на шашку – 1879 г. января 14-го.“ Последний орден я получил за съемку около 50 квадр. верст местности в Родопских горах на глазах у восставших с занесением на карту и их расположения; эта моя работа была прервана тифом.

Ментона
Май 1929 г.

А. Пр.

См. с. 59.

К странице 45

Читатель, который одолел этот скучный пересказ о длинном однообразном ряде неважных происшествий, наверно, задастся вопросом: „Неужели то, что тут рассказано, и есть война? Я представлял ее себе совсем не так“. В „нашу“ войну 1877–78 годов для кавалерии она действительно только в такой службе и заключалась, и пример Казанских драгун типичен для приемов ведения той войны. Реляции писались, конечно, совершенно иначе, но их целью было самовосхваление и снискание боевых наград; к сожалению, их преувеличения затем попадали в историю. Кто не помнит „чудо-богатырей“ японской и последней войны? Если память мне не изменяет, было не более двух настоящих кавалерийских атак за всю войну, таких, какие были обязательны во всех сражениях Наполеоновской эпохи.

С изменением способов воевать для кавалерии „нашего“ времени значительно уменьшилась опасность и, к счастью, еще сохранилась поэзия боевой жизни. Недаром долгие годы после войны я считал участие в ней счастливейшим временем моей жизни.

Увы! Этой чарующей стороны войны я передать не сумел!

Июль 1929 г. А. П.

К странице 58

Из всего изложенного о моем участии в войне, кажется, ясно, что я лично не повинен в человекоубийстве. Тем не менее я хочу удостоверить, что я не имел ни возможности, ни случая к тому. Всю войну я провел в чине унтер-офицера, вооружение которого состоит в сабле и револьвере; в кавалерийской атаке я не был, в

пешем строю для вытеснения предполагаемого неприятеля из деревни я иногда брал ружье у остающегося при лошадях коновода, но дело никогда не доходило ни до стрельбы, ни до штыкового боя, турки заблаговременно уходили. В перестрелке в конном строю я лишь однажды стрелял, взяв ружье у соседнего рядового, но я знаю, что никого не убил, потому что по условиям того боя пули из наших дрянных ружей Крынка достоверно не долетали до неприятеля, его же пули свистели мимо наших ушей, никого на этот раз не подстрелив.

Таким образом, будучи за все время войны косвенным пособником убийства, я в непосредственном убийстве человека не грешен.

Ноябрь 1929 г. А. П.

*Указатель имен**

* В случаях, когда авторское написание фамилии расходится с принятым, в Указателе имен приводится официальное написание, а авторское дается в скобках. В географическом указателе названия местностей даются в авторской редакции за исключением очевидных случаев (Тернов – Тырново).

Указатель географических названий

Указатель упоминаемых воинских подразделений (кроме 9-го драгунского Казанского п.)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ISBN5-85209-148-0

9 785852 209146 >

ДИЗАЙН И ПЕЧАТЬ ОБЛОЖКИ
ООО "СЕНСОР-СТУДИЯ"